

Когда Мэри Леннокс прислали к дядюшке в усадьбу Мисселтвейт, все нашли, что выглядит она просто ужасно. Так оно и было. Тщедушная, личико с кулачок, волосы редкие, тонкие и взгляд исподлобья. Волосы у неё были жёлтые и лицо тоже жёлтое, ибо родилась она в Индии и всё время чем-то болела. Отец её был служащим в английской администрации и вечно работал и хворал, а мать была красавица и только и думала что о балах и развлечениях. Ребёнок ей был ни к чему. Когда Мэри родилась, она отдала её на попечение айи, которой дали понять, что если она хочет угодить мемсахиб*, то пусть лучше не пускает девочку ей на глаза. Мэри была болезненным, капризным и некрасивым младенцем, и её держали от матери подальше, а потом, когда она начала понемногу ходить, но оставалась такой же болезненной и капризной, её тоже держали подальше. Сколько Мэри себя помнила, её всегда окружали тёмные лица нянюшки и других слуг-туземцев, а так как они всегда ей повиновались и во всём уступали — ведь мемсахиб* рассердится, если её потревожит плач ребёнка! — то к шести годам она превратилась в отвратительную эгоистку и маленькую тиранку. Она так не понравилась молодой гувернантке-англичанке, которую наняли, чтобы научить её читать и писать, что через три месяца та отказалась от места, а другие не выдерживали и этого срока. Если бы Мэри самой не захотелось читать книжки, она так бы никогда и не научилась грамоте.

Однажды удручающе жарким утром — Мэри уже исполнилось девять лет — она проснулась в крайне дурном расположении духа и, увидав, что возле кровати стоит не айя, а какая-то незнакомая служанка, ещё пуще рассердилась.

— А ты зачем сюда явилась? — сказала она женщине. — Ты мне не нужна. Пришли мне мою айю.

Женщина испугалась и, запинаясь, пробормотала, что айя прийти не может, а когда Мэри стала кричать, бить её и пинать, та только в ужасе повторяла, что айя прийти к мисс сахиб никак не может.

В то утро всё было как-то странно. Обычный порядок нарушился, некоторые из слуг-индийцев куда-то исчезли, а те, кто оставались в доме, старались не попадаться на глаза или проскользнуть мимо, и лица у них были серые от страха. Но Мэри ничего не объясняли, и айя не появлялась. Утро Мэри провела в одиночестве; потом побрела в сад и принялась играть под деревом возле веранды — она делала вид, будто разбивает грядку для цветов. Она втыкала в землю большие багровые цветы гибискуса, а сама меж тем всё больше и больше сердилась и бормотала про себя всё, что выскажет Сейди, когда та вернётся.

* Мемсахиб (*англо-индийск.*) — госпожа (так слуги называли англичанок).

— Свинья! Свинья! И родители твои свиньи! — бормотала она, ибо назвать туземца свиньёй — самое страшное оскорбление.

Сжав зубы, она снова и снова повторяла эти слова, как вдруг услышала, что на веранду вышла мать с каким-то светловолосым молодым человеком. Они остановились, переговариваясь странными, приглушёнными голосами. Мэри знала этого юношу, который походил скорее на подростка. Она слышала, что этот юный офицер недавно приехал из Англии. Мэри разглядывала его лицо, но ещё внимательнее — свою мать. Она всегда любовалась ею, если представлялась возможность, ведь мемсахиб — Мэри чаще всего так её называла — была такая высокая, стройная, красивая и так изящно одевалась! Её шелковистые волосы вились, небольшой изящный нос был надменно вздёрнут, а огромные глаза смеялись. Она носила лёгкие, воздушные платья, которые, как говорила Мэри, были «все в кружевах». В это утро кружев, казалось, было больше обычного, но глаза её не смеялись. Большие и испуганные, они с мольбой взирали на светловолосого юного офицера.

— Неужто это так серьёзно? — спрашивала она. — Скажите мне правду, прошу вас.

— Это ужасно, — отвечал тот дрогнувшим голосом. — Ужасно, миссис Леннокс. Вам ещё две недели назад следовало уехать в горы.

Мемсахиб ломала руки.

— О, знаю, знаю! — восклицала она. — Я осталась только для того, чтобы поехать на этот дурацкий приём. Какая глупость!

В тот миг со стороны хижин, где жили слуги, раздался такой громкий плач, что миссис Леннокс схватила юношу за руку, а Мэри вся задрожала. Плач становился всё громче и отчаяннее.

— Что это? Что? — спросила миссис Леннокс. У неё перехватило дыхание.

— Кто-то умер, — отвечал юный офицер. — Вы не сказали, что она уже поразила ваших слуг.

— Ах, я не знала! — вскричала миссис Леннокс. — Пойдёмте! Пойдёмте!

Она повернулась и побежала в дом.

То, что произошло потом, было ужасно. Позже Мэри объяснили все загадки этого утра. Оказалось, что в городе разразилась страшнейшая холера и люди умирали как мухи. Ночью заболела аяя — и громкий плач, который Мэри услышала в саду, означал, что её няня умерла. Не прошло и дня, как умерли ещё трое слуг, а остальные в ужасе разбежались. Всюду царил паника, во всех домах лежали умирающие.

Второй день Мэри, всеми забытая в суете и смятении, провела у себя в детской. Никто её не хватился, никому не было до неё дела, а она и не подозревала о том, что творилось вокруг. Она то плакала, то дремала. И знала только, что все больны, и слышала сквозь двери непонятные и страшные звуки. Один раз она прокралась в столовую: в комнате никого не было, хотя на столе ещё стоял недоеденный обед, стулья и тарелки были в беспорядке,

будто их торопливо отодвинули, когда обедавшие вдруг в спешке встали из-за стола. Мэри поела немного фруктов и печенья, а ощутив жажду, осушила стакан вина, стоявший на столе. Вино было сладкое — и крепкое, но она этого не знала. Скоро её стало клонить ко сну, она вернулась в детскую и опять закрыла глаза, напуганная криками в хижинах и беготнёй в доме. От вина ей так хотелось спать, что глаза у неё просто слипались; она улеглась на постель и надолго забылась.

Многое произошло в те часы, что Мэри спала, однако её не разбудили ни плач и стенания, ни шум, оттого что вносили и выносили что-то тяжёлое.

Проснувшись, Мэри полежала, глядя в стену. В доме царил полнейшая тишина. Такого ещё никогда не бывало. Не слышно было ни голосов, ни шагов, и Мэри подумала: может, холера уже кончилась и всё опять хорошо. Интересно, кто теперь, когда ая умерла, будет за ней ходить, размышляла она. К ней приставят новую айю, и, может, она расскажет ей новые сказки — старые Мэри давно надоели. Она не горевала о своей няне. Она вообще ни к кому не была привязана и никого не жалела. Шум, беготня и плач об умерших её напугали, и ещё она сердилась, что о ней забыли, хотя она-то была жива. Всех охватил такой ужас, что никто и не вспомнил о девочке: ведь её никто не любил. Холера, верно, заставила людей забыть обо всём, кроме самих себя. Но, если холера кончилась и все выздоровели, теперь кто-нибудь, конечно, вспомнит про Мэри и придёт за ней.

Однако никто не приходил. Мэри лежала и ждала, а в доме становилось всё тише. Вдруг что-то прошуршало по циновке — Мэри глянула и увидела маленькую змейку, которая скользила мимо, следя за ней изумрудными глазами. Девочка не испугалась — змейка не причинит ей вреда, она и сама спешит поскорее спрятаться. Змейка вильнула и бесшумно скрылась под дверь.

«Странно, какая кругом тишина, — подумала Мэри. — Будто в доме нет никого, кроме меня и змейки».

В ту же минуту она услышала шаги во дворе, а потом на веранде. Шаги были мужские; тихо переговариваясь, мужчины вошли в дом. Никто их не встретил, никто не окликнул; Мэри услышала, что они открывают двери и заглядывают в комнаты.

— Какая пустота! — сказал кто-то. — И эта женщина, такая красивая! И девочка, верно, тоже. Я слышал, у неё была девочка, хотя её никто и не видел.

Спустя несколько минут дверь детской отворилась. Мэри стояла посреди комнаты, некрасивая и насупленная. Она сердилась: она была голодна, а ей ничего не несли. Первым в комнату вошёл высокий офицер — когда-то она видела, как он беседовал с её отцом. Он выглядел усталым и озабоченным; увидав её, он так удивился, что чуть не отпрянул в сторону.

— Барни! — закричал он. — Тут ребёнок! Совершенно один! В таком-то гиблом месте! Господи, спаси и помилуй! Кто же это?

— Я Мэри Леннокс, — произнесла девочка, выпрямляясь. Ей не понравилось, что офицер назвал её дом «гиблым местом». — Я заснула, когда разразилась холера, и только сейчас проснулась. Почему ко мне никто не идёт?

— Это та самая девочка, которую никто никогда не видел! — воскликнул офицер, обернувшись к своим товарищам. — Её здесь просто забыли!

— Как это меня забыли?! — закричала Мэри, топнув ногой. — Почему никто не идёт?

Молодой человек по имени Барни грустно взглянул на неё. Мэри даже показалось, что он сморгнул слёзы с глаз.

— Бедняжка! — сказал он. — Потому что никого не осталось в живых.

Так Мэри узнала — это было до того странно и неожиданно, — что у неё нет больше ни отца, ни матери, что в ту ночь они умерли и их унесли и что оставшиеся в живых слуги в ужасе бежали из дому, даже не вспомнив о «маленькой госпоже». Вот почему в доме царила такая тишина. В нём и правда не было никого, кроме неё и маленькой быстрой змейки.

ГЛАВА II
«Мистрис Мэри»

Мэри привыкла смотреть на мать издали и любоваться её красотой, но она её почти не знала, так что, когда матери не стало, конечно, не могла тосковать по ней. Она и не тосковала — как всегда, она была занята исключительно собой. Будь она постарше, её, несомненно, испугало бы то обстоятельство, что она осталась теперь совсем одна на белом свете, но она была ещё мала, за ней всегда кто-то ухаживал, и она полагала, что так вечно и будет. Беспokoилась она только о том, к хорошим ли людям теперь попадёт, будут ли они к ней так же добры и уступчивы, как её айя и другие слуги-туземцы.

Она знала, что её не оставят в доме английского священника, куда её устроили поначалу. Да она и не хотела там оставаться. Священник был беден, а в доме у него росло пятеро детей; дурно одетые погодки, они вечно ссорились и отнимали друг у друга игрушки. Мэри невзлюбила их дом, где вечно царил беспорядок, и так всем грубила, что дня через два никто уж не хотел с ней играть. И дня не прошло, как они дали ей прозвище, которое привело её в ярость.

Придумал его Бэзил. Это был небольшой мальчишка с дерзкими голубыми глазами и вздёрнутым носом; Мэри его ненавидела. Она играла одна в тени под деревом, совсем как в тот день, когда разразилась холера. Она насыпала кучками землю, как будто это клумбы, а между ними дорожки, как вдруг явился Бэзил, встал неподалёку и стал смотреть, что она делает, а потом заинтересовался и предложил:

— А ты не хочешь насыпать кучку камней — тогда у тебя получилась бы горка? Вот здесь, в серёдке.

И он наклонился, чтобы показать.

— Уходи! — закричала Мэри. — Мне мальчишки не нужны! Убирайся!

Бэзил было рассердился, а потом принялся дразнить её. Он вечно дразнил сестёр. Он заплясал вокруг Мэри, корча рожи, смеясь и напевая:

Мистрис Мэри, злючка Мэри,
Что ты растишь в своём саду?
Серебряные бубенчики,
Ноготки и лебеду.

Он пел и пел эту песенку, пока его не услышали остальные и не присоединились к нему; чем больше Мэри сердилась, тем больше они её дразнили; и, пока она жила у них, они так и звали её и в лицо, и за глаза: «мистрис Мэри, злючка Мэри».

— Тебя отправят домой, — объявил ей Бэзил. — В конце недели. И прекрасно! Мы этому очень рады!

— И я тоже рада, — отвечала Мэри. — А куда это «домой»?

— Она не знает, что такое «домой»! — закричал семилетний Бэзил, с презрением глядя на неё. — В Англию, конечно. Там наша бабушка живёт. Нашу сестру Мейбл посылали к ней в прошлом году погостить. Только ты едешь не к бабушке. У тебя нет бабушки! Ты едешь к своему дяде. Его зовут Арчибальд Крейвен.

— Не знаю такого, — отрезала Мэри.

— Ну конечно, не знаешь, — согласился Бэзил. — Ты ничего не знаешь. Девочки вообще никогда ничего не знают. Я слышал, как папа говорил о нём с мамой. Он живёт в деревне, в большом обветшалом старинном доме, с ним никто не знается. У него такой дурной нрав, что он никого к себе близко не подпускает. Да если бы и подпускал, всё равно никто бы к нему и не пошёл. Он такой противный! И горбун!

— А я тебе не верю, — заявила Мэри, поворачиваясь к нему спиной и затыкая пальцами уши. Она не желала больше этого слушать.

Но позже она долго размышляла над его словами; и, когда миссис Крофорд сказала ей вечером, что через несколько дней её отошлют на пароходе к дядюшке, мистеру Арчибальду Крейвену, который живёт в Мисселтвейт Мэноре, она молчала с таким безразличным видом, что мистер и миссис Крофорд совсем растерялись. Они попытались её приласкать, но, когда миссис Крофорд нагнулась, чтобы поцеловать её, Мэри отвернулась, а когда мистер Крофорд похлопал её по плечу, она словно окаменела.

— Она такая некрасивая, — заметила позже миссис Крофорд с жалостью. — А мать у неё была такая красавица! И так изящно всегда держалась, а Мэри совсем не умеет себя вести. В жизни не видала такого невоспитанного ребёнка! Дети прозвали её злючкой. Они, конечно, шалуны, но их можно понять.

— Возможно, если бы её красивая и изящная мать больше времени проводила в детской, то Мэри переняла бы её манеры, — возразил мистер Крофорд. — Бедняжка, её уже нет в живых, но, как это ни грустно, раньше многие даже не подозревали, что у неё есть дочь!

— Она почти и не виделась с девочкой, — вздохнула миссис Крофорд. — Когда умерла нянька, о ребёнке некому было и вспомнить. Подумай только, слуги разбежались и бросили её одну в доме! Полковник Мак-Гру говорит, он чуть не упал от неожиданности: открыл дверь — а она стоит посреди комнаты!

Долгое путешествие в Англию Мэри провела под присмотром жены одного офицера, которая везла своих детей в школу-пансион. Эта дама была так поглощена своим маленьким сыном и дочкой, что с радостью передала Мэри женщине, которую мистер Арчибальд Крейвен прислал за ней в Лондон. Это была экономка из Мисселтвейт Мэнора, полная краснощёкая женщина с пронизательными чёрными глазами по имени миссис Медлок. На ней было лиловое платье, чёрная шёлковая мантилья с бахромой из стекляруса и чёрная шляпка с лиловыми бархатными цветами, которые вставали дыбом,

стоило ей потряхнуть головой. Мэри с первого взгляда её невзлюбила; впрочем, неудивительно: ей редко кто нравился, да и на миссис Медлок она явно не произвела приятного впечатления.

— Ну и ну! — протянула миссис Медлок. — До чего же неказиста! А мы-то слышали, что мать у неё была красавица. Она от неё ничего не взяла, правда, сударыня?

— Возможно, с возрастом выправится, — добродушно возразила офицерская жена. — Всё бы ничего, будь у неё румянца побольше да манеры получше. Черты лица у неё неплохие. Дети со временем сильно меняются.

— Да, придётся ей очень сильно измениться, — отвечала миссис Медлок. — Только в Мисселтвейте детям выправляться не с чего — вот что я вам скажу!

Они полагали, что Мэри их не слышит — она стояла в стороне, глядя в окно (разговор происходил в небольшой гостинице, где они остановились). Мэри смотрела на проезжающие омнибусы и кебы, на спешащих мимо людей, но она всё хорошо слышала и очень заинтересовалась дядюшкой и его именем. Что это было за место? И каким окажется он сам? А что такое «горбун»? Она горбуна никогда не видела. Может, их в Индии нет?

Теперь, когда Мэри жила по чужим домам и у неё больше не было айи, она чувствовала себя совсем одинокой, странные мысли стали приходить ей в голову, прежде ей совсем незнакомые. Почему, думалось ей, её никто не любил, даже когда её родители были живы? Других детей их отцы и матери любили, а ей никто ни разу не сказал: «Моя девочка!» У неё были слуги, еда и одежда, но никто не обращал на неё внимания. Это происходило оттого, что она ни в ком не вызывала симпатии; но она этого не знала. Ей часто не нравились другие, но она и не подозревала, что и сама производит на других неприятное впечатление.

Миссис Медлок с простецким румяным лицом и смешной шляпкой ужасно не понравилась Мэри. Когда на следующий день они отправились в Йоркшир, Мэри прошествовала по платформе к поезду, высоко подняв голову и стараясь держаться от неё на расстоянии: ей не хотелось, чтобы люди решились, будто она, Мэри, имеет к миссис Медлок какое-то отношение. Этого ещё недоставало!

Но миссис Медлок не было дела до Мэри и её чувств. Она была из тех женщин, которые, по её собственному выражению, «не терпят от детей никаких капризов». Так бы она, по меньшей мере, заявила, если б её спросили. В Лондон она поехала против воли — на тот день как раз была назначена свадьба её сестры Марии, но она дорожила местом в Мисселтвейте, жалованье там было хорошее, и ей ничего не оставалось, как беспрекословно выполнить распоряжение мистера Арчибальда Крейвена. Она даже спросить его ни о чём не решилась.

— Капитан Леннокс с женой умерли от холеры, — сказал ей мистер Крейвен, как всегда холодно и чётко. — Капитан Леннокс — родной брат моей

жены, теперь я опекун их дочери. Надо доставить сюда ребёнка. Вы поедете в Лондон и привезёте её.

И миссис Медлок уложила саквояж и поехала в Лондон.

Мэри, насупившись, забилась в угол. Читать ей было нечего, смотреть не на что, и она просто сидела, сложив на коленях худенькие руки в чёрных перчатках. Чёрное платье лишь подчёркивало нездоровый цвет её лица, а прямые тонкие волосы некрасиво выбились из-под шляпки с чёрным крепом.

«В жизни не видывала такой набалованной девочки», — думала миссис Медлок, подразумевая, что в жизни не видела ребёнка, который сидел бы так неподвижно и ничем не был занят. Наконец миссис Медлок надоело разглядывать Мэри, и она заговорила.

— Я, пожалуй, пока расскажу тебе, куда ты едешь, — произнесла она резким строгим голосом. — Ты что-нибудь знаешь о своём дядюшке?

— Нет, — отвечала Мэри.

— Разве ты никогда не слышала, что говорили о нём родители?

— Нет, — повторила, нахмураясь, Мэри. Нахмурилась она оттого, что родители вообще с ней почти не говорили. И уж конечно, ничего ей не рассказывали.

— Гм, — пробормотала миссис Медлок, всматриваясь в замкнутое личико своей неразговорчивой спутницы. С минуту она молчала, а потом произнесла: — Придётся мне всё-таки тебе кое-что рассказать... Подготовить тебя, что ли?.. Ты едешь в странное место.

Мэри молчала. Её нескрываемое безразличие на миг смутило миссис Медлок, однако она набрала воздуха в лёгкие и продолжала:

— Ничего не скажу, дом великолепный, хотя очень древний и мрачный, и мистер Крейвен по-своему им очень гордится, только от этого не веселее. Дому шестьсот лет, и стоит он на самом краю пустоши, в нём чуть не сотня комнат, только все почти закрыты — заперты на ключ. И картины там есть, и прекрасная старинная мебель, и всякая другая старина, а вокруг большой парк, сады и деревья с ветвями чуть не до самой земли — не все, конечно, но есть и такие. — Она остановилась и снова набрала воздуха в лёгкие. — Но больше там ничего нет.

Мэри невольно начала прислушиваться к её словам. Всё это было так не похоже на Индию, а новизна её привлекала. Но ей не хотелось показывать, что рассказ экономки её заинтересовал. Это была одна из самых неприятных её привычек. Она продолжала сидеть без движения на своём месте.

— Вот оно как, — заключила миссис Медлок. — Ну, что ты на это скажешь?

— Ничего, — проговорила Мэри. — Я об этом ничего не знаю.

Миссис Медлок только хмыкнула в ответ.

— Ну и ну! — сказала она. — Ты говоришь, как старушка. Тебе что, всё равно?

— Всё равно или не всё равно, не имеет значения, — отвечала Мэри.

— Твоя правда, — согласилась миссис Медлок. — Для чего тебя везти в Мисселтвейт Мэнор, я не знаю, разве что так ему, может, удобнее. Уж он-то не будет себя из-за племянницы утруждать, можешь мне поверить! Он ещё никогда ни для кого себя не утруждал.

Тут она смолкла, словно вовремя вспомнив о чём-то.

— У него позвоночник искривлён, — сказала она. — Верно, потому он такой! Смолоду кислого был нрава, никакой радости от своего имения и денег не имел, пока не женился.

Как ни старалась Мэри показать, что ей всё безразлично, но не удержалась и перевела взгляд на экономку. Она и не подозревала, что горбун может жениться, и это её слегка удивило. Миссис Медлок заметила её интерес; она любила поболтать и потому с воодушевлением продолжила свой рассказ — ведь за рассказом и время идёт быстрее.

— Жена у него была до того миленькая, до того хорошенькая, что она у него ни попроси, он бы всю землю обошёл, а её желание исполнил. Ни у кого и в мыслях не было, что она за него замуж пойдёт, а она вот возьми да выйди. Люди болтали, что из-за денег, только это неправда. Нет, неправда! — Это слово миссис Медлок произнесла с убеждением. — И когда она умерла...

Мэри вздрогнула.

— Как! Она умерла? — переспросила она, забыв о своём решении молчать.

Она вспомнила французскую сказку под названием «Рикке-хохол», которую как-то читала. В ней рассказывалось о бедном горбуне и прекрасной принцессе, и ей вдруг стало очень жаль мистера Арчибальда Крейвена.

— Да, умерла, — повторила миссис Медлок. — А он после этого стал ещё чуднее. Ни о ком не думает. Никого видеть не желает. Всё больше путешествует, а когда приедет, то запирается на своей половине — это в западном крыле — и никого к себе, кроме Питчера, не пускает. Питчер уже старик, он за ним ещё за маленьким ухаживал и знает его привычки.

Всё это больше походило на историю из книжки, но Мэри от этого не стало веселее. Как это мрачно — сотня комнат, и чуть не все заперты, дом на самом краю пустоши! Что такое пустошь, она не знала, но всё равно. Человек с кривым позвоночником, да к тому же вечно запирается! Сжав губы, она уставилась в окно, и тут же, словно по команде, за окном хлынул проливной дождь. Серые струи косо стекали по стёклам вагона, дождь всё хлестал да хлестал. Будь хорошенькая миссис Крейвен жива, ей бы, возможно, и удалось скрасить жизнь в этом мрачном доме, она бы появлялась и исчезала, красивая, как мама, и ездила бы на вечера в платьях, которые были «все в кружевах». Но она умерла.

— Только не жди, что ты его увидишь, — предупреждала миссис Медлок. — Едва ли. И не думай, что там у тебя будет с кем поговорить. Придётся тебе самой себя развлекать. Тебе скажут, в какие комнаты можно заходить, а в какие

нельзя. Сады-то там обширные. Но по дому ты особенно не броди и в комнаты не заглядывай. Мистер Крейвен этого не позволяет.

— Я и не собираюсь, — сказала Мэри обиженно. Она уже готова была пожалеть мистера Крейвена, но после этих слов жалость её исчезла. «Какой он противный, — подумала она, — верно, не зря на него обрушились все беды».

Она отвернулась и снова стала смотреть в окно, по которому всё так же бежали серые струи; дождь, казалось, никогда не кончится. Она так долго, так упорно смотрела на дождь, что постепенно серый сумрак у неё в глазах сгустился, и она заснула.

ГЛАВА III
Через
вересковую пустошь

Спала она долго, а когда проснулась, оказалось, что миссис Медлок купила на одной станции обед в плетёной корзинке; они поели цыплёнка, холодной говядины, хлеба с маслом и выпили горячего чая. Ливень, казалось, ещё усилился; люди, которых они видели на станциях, были мокрые от дождя. Проводник зажёл в вагоне лампы. За обедом миссис Медлок повеселела. Она ела долго, основательно, а потом заснула; Мэри сидела и смотрела, как её нарядная шляпка медленно сползает набок, а потом и сама уснула в своём уголке, убаюканная шумом дождя за окном. Когда она открыла глаза, было уже темно. Поезд стоял, миссис Медлок трясла её за плечо.

— Ну, заспалась! — говорила она. — Проснись, пора! Вот уж и Твейт, а нам ещё долго добираться!

Мэри поднялась. Глаза у неё слипались, и она таращилась изо всех сил. Она не предложила миссис Медлок свою помощь — она к этому не привыкла, ведь в Индии всё делали слуги-туземцы.

Станция была маленькая, и, кроме них, с поезда никто не сошёл. Станционный смотритель приветствовал миссис Медлок с грубоватым добродушием; говор у него был какой-то странный, резкий — позже Мэри узнала, что так говорят в Йоркшире.

— Я вижу, ты вернулась, — сказал он, обращаясь к миссис Медлок. — И девочку с собой привезла.

— Да, вот она, — отвечала миссис Медлок тоже с йоркширским выговором, кивнув через плечо в сторону Мэри. — Ну а твоя хозяйка как поживает?

— Неплохо. Карета вас ждёт.

На дороге у платформы стоял экипаж. Мэри заметила, что это была щеголеватая двухместная карета, да и лакей, который помог ей в неё сесть, одет был щеголевато. Его длинный плащ и капюшон, прикрывавший шляпу, блестя от дождя, струи воды так и текли с них, как и со всех на станции, включая приземистого смотрителя.

Лакей захлопнул дверцу, влез на козлы рядом с кучером, и они покатили; Мэри уютно устроилась на подушках в уголке кареты, но не собиралась снова засыпать. Она сидела и смотрела в окно; ей хотелось увидеть дорогу к странному дому, о котором рассказала миссис Медлок. Не то чтобы она напугалась — Мэри была не робкого десятка, — просто она знала, что в этом доме с запёртыми комнатами, стоящем на краю пустоши, надо быть готовой ко всему.

— А пустошь — это что? — вдруг спросила она миссис Медлок.

— Минут через десять выгляни в окно, и увидишь, — отвечала та. — Нам надо по Мисселской пустоши пять миль проехать, прежде чем мы до дому

доберёмся. Много ты не разглядишь, ночь-то тёмная, но всё же кое-что увидишь.

Больше Мэри не задавала вопросов; сидя в своём углу, она принялась ждать, не отрывая глаз от окна. Каретные фонари бросали перед собой неяркий свет, выхватывая кое-что из тьмы. Оставив станцию позади, они миновали крошечную деревню — Мэри разглядела беленькие домики и освещённые окна трактира. Потом мимо проплыли церковь, дом священника и маленькая лавка, в окне которой были выставлены на продажу игрушки, сласти и всякая мелочь. Потом пошла дорога — Мэри увидела живые изгороди и деревья. Они тянулись довольно долго — так, по крайней мере, ей казалось.

Наконец лошади замедлили шаг, словно дорога пошла в гору; вскоре деревья и изгороди исчезли. Мэри ничего не видела — с обеих сторон было совсем черно. Она наклонилась и прижалась лицом к стеклу — в эту минуту карету потрянуло.

— А-а! Вот она, пустошь! — проговорила миссис Медлок.

Жёлтый свет фонарей упал на разбитую дорогу, проложенную меж кустов и каких-то низких растений, а вокруг и вдали была чернота. Поднялся ветер, в звуках его слышалась какая-то особая, пронзительная и дикая нота.

— Это... это ведь не море, правда? — спросила Мэри.

— Нет, это не море, — отвечала миссис Медлок. — Это и не поля и не горы, а только мили, и мили, и мили пустынной земли, на которой ничего не растёт — только вереск, дрок и раakitник, и никто не живёт — только лошадки да овцы, которые пасутся на воле.

— Мне показалось, будто это море, — только ведь здесь нет воды, — сказала Мэри. — Шумит, будто море...

— Это ветер шумит в кустах, — пояснила миссис Медлок. — На мой вкус, здесь слишком тоскливо и пустынно, хотя многим нравится, особенно когда вереск цветёт.

А они всё ехали и ехали во тьме. Дождь прекратился, но ветер налетал порывами, свистел и завывал. Дорога шла то под гору, то в гору, а потом карета въезжала на мост, под которым стремительно и шумно бежала вода. Мэри уже чудилось, что так они и будут ехать и ехать и что бескрайняя суровая пустошь — это океан, который они пересекают по узенькой полоске земли.

«Не нравится мне эта пустошь, — говорила она про себя, — нет, не нравится!» И недовольно поджимала тонкие губы.

Лошади медленно взбирались по крутому склону, как вдруг впереди мелькнул огонёк. Миссис Медлок тоже увидела его и с облегчением вздохнула.

— Ну вот и свет блеснул! — воскликнула она. — До чего ж я рада! Это в сторожке у ворот свет. Что бы там ни было, а чайком нас напоят, только немного погодить придётся.

Она не ошиблась: пришлось-таки «немного погодить». Миновав ворота, следовало ещё проехать парком мили две по аллее, над которой деревья

